

ФИЛОЛОГИЯ

(шифр научной специальности: 5.9.8)

Научная статья

УДК 81

doi: 10.18522/2070-1403-2022-94-5-55-60

МОДАЛЬНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

© *Анна Игоревна Дзюбенко*

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

aidzyubenko@sfnedu.ru

Аннотация. Рассмотрена модальность художественного текста как модальность, формируемая не в пределах высказывания, а функционирующая на уровне ценностно-смыслового пространства целостного текста. Доказана нецелесообразность употребления в отношении художественного текста терминов «объективная модальность» и «субъективная модальность» ввиду отсутствия у художественного текста денотата в общепринятом смысле: объективная действительность не является таковым по причине важности художественного вымысла в повествовании и нерелевантности категорий истинности/ложности в отношении такого текста. На основании результатов проведенного функционально-семантического анализа продемонстрирован синтез разновидностей модальности, происходящий в художественном тексте. Модальность художественного текста функционирует на основе семантических трансформаций, затрагивающих не значения отдельных лексем или лексических сочетаний, а единство смыслов целостного текста.

Ключевые слова: ценностно-смысловое пространство, художественный текст, текстовая модальность, авторская оценочность, семантика.

Для цитирования: Дзюбенко А.И. Модальность художественного текста в функционально-семантическом аспекте // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 94. № 5. С. 55-60. doi: 10.18522/2070-1403-2022-94-5-55-60.

PHILOLOGY

(specialty: 5.9.8)

Original article

Modality of literary text in the functional-semantic aspect

© *Anna I. Dzyubenko*

Southern federal university, Rostov-on-Don, Russian Federation

aidzyubenko@sfnedu.ru

Abstract. It is considered the modality of a literary text as a modality that is formed not within the limits of an utterance, but functions at the level of the value-semantic space of an integral text. It is proved that it is inexpedient to use the terms “objective modality” and “subjective modality” in relation to a literary text due to the lack of a denotation in a literary text in the generally accepted sense: objective reality is not such because of the importance of fiction in the narrative and the irrelevance of the categories of truth/falsity in relation to such a text. Based on the results of the functional-semantic analysis, the synthesis of modality varieties occurring in a literary text is demonstrated. The modality of a literary text functions on the basis of semantic transformations that affect not the meanings of individual lexemes or lexical combinations, but the unity of the meanings of an integral text.

Key words: value-semantic space, literary text, textual modality, author's evaluation, semantics.

For citation: Anna I. Dzyubenko Modality of literary text in the functional-semantic aspect. *The Humanities and Social Sciences*. 2022. Vol. 94. No 5. P. 55-60. doi: 10.18522/2070-1403-2022-94-5-55-60.

Введение

Продолжающееся в современной лингвистике развитие концепций текстовой модальности и уточнение ключевых понятий в них свидетельствует о потребности в уточнении некоторых ключевых положений, которые должны быть рассмотрены в различных аспектах – лингвокогнитивном, коммуникативно-прагматическом, функционально-семантическом. При

том, что модальность довольно подробно изучена как дискурсивная или грамматическая категория, функционирующая на уровне высказывания или предложения, явно недостаточно внимания уделяется модальности, формируемой в тексте.

В своем исследовании мы принимаем за основу понимание текста как онтологического фундамента модальности ввиду того, что текст сосредоточивает в себе систему ценностей, устойчивые идеальные ориентиры, которые лишь незначительно могут быть ситуативно трансформированы, а значит, способны демонстрировать более высокий уровень влияния языка на жизнь личности и социума, чем дискурс [1]. Дискурс не способен противостоять социокультурному контексту и времени, тогда как текст фиксирует дискурсивные проявления, имеющие различные функциональные признаки, и как текст культуры более стабилен в плане сохранения содержательных и формальных характеристик [12, с. 19–26]. Существование текста в сфере культуры позволяет утверждать, что он самодостаточен [7, с. 41], что, в свою очередь, подтверждает значимость изучения функционирования текстовой модальности в координатах ценностно-смыслового пространства текста.

Представляется, что изучение текстовой модальности может эффективно проводиться на основании семиотического подхода, который убедительно обоснован в работах В. Дресслера [6], М. Пфютце [9] и др. Тем не менее, мы согласны с концепцией текста, предложенной М.Я. Дымарским, утверждающим, что текст есть «не-знак»: «...каждому знакома ситуация, когда значения всех слов в некоторой фразе известны, а смысл фразы непонятен и для её понимания требуется особое усилие. Подобные ситуации еще в большей степени свойственны тексту»; «Текст же появляется тогда, когда возникает потребность не просто в передаче информации, а в достижении некоторой новой духовной общности» [7, с. 30]. Одним из наиболее интересных в плане изучения и порождения новых концепций является текст художественный, обнаруживающий возможность описания текстовой модальности в ценностно-смысловом пространстве на основе применения самых разных научных подходов и понятийных парадигм.

Методика исследования применяется к художественному тексту комплексно: ведущими методами являются индуктивно-дедуктивный метод, метод сравнения и сопоставления, семантический анализ, герменевтическая интерпретация.

Обсуждение

Текст, представляя собой не совокупность всех значений входящих в его состав единиц, а новое единство таких значений, характеризуется более высоким смысловым уровнем. Интерпретация смыслов, находящихся на этом уровне, дает возможность совершенствовать опыт рецептивно-интерпретативной деятельности предполагаемого адресата. В этой связи возрастает роль выяснения модальных оснований в достижении адекватности декодирования смыслов художественного текста, чему посвящен целый ряд исследований, в которых авторская модальность понимается как вид субъективной модальности [3; 4], как доминантная категория текста, являющаяся совокупностью авторских интенций [10, с. 3, 6]. В соответствии с такими исследовательскими установками адресат достраивает текст в поле авторских интенций, декодируя именно их, а не текстовые смыслы. Стоит в этой связи подчеркнуть, что смыслы, безусловно, образуют в конкретном тексте уникальные конфигурации на основе авторского замысла (интенций, в лингвистической терминологии), однако текст опредмечивает смыслы, которые актуальны не только для автора, но и для предполагаемого адресата.

Очевидно, что текстовая модальность может быть изучена на материале художественного текста именно потому, что в этом случае нет необходимости задействовать категории объективной и субъективной модальности, весьма эффективные в изучении специфики дискурса: оппозиция *истинность / ложность* для художественного текста не релевантна, что обусловлено отсутствием денотата для него как объективно существующих реалий. Художественный текст эксплицирует, прежде всего, структуры языкового сознания [13] автора, посредством которых моделируется мир, напоминающий реальный и одновременно отличный от объективной действительности при сохранении многообразных характеристик реальности

в ее субъективных трансформациях, отражающий авторское отношение к миру – реальному и вымышленному. И коль скоро это так, то и текстовая модальность – это, прежде всего, оценочная по своей сущности категория: «Модальность текста – это выражение в тексте отношения автора к сообщаемому, его концепции, точки зрения, позиции, его ценностных ориентации, сформулированных ради сообщения их читателю» [2, с. 65].

Мы согласны с В.П. Рудневым, который, отмечая квазиденотативность художественного текста, связывает с ней и особенности восприятия сюжета читателем, и саму сущность смысловой динамики в таком тексте: «Сюжетность художественного нарративного дискурса во многом определяется его квазиденотативной природой. Когда читателю ясно, что история выдумана, то есть сказанное не является ни истиной, ни ложью и отгорожено от обыденной жизни рамками особой – художественной – языковой игры, то внимание поневоле заостряется на том, ради чего история и рассказывается, – на ее субъекте, то есть на сюжете (родственные слова, происходящие от лат. *subjicio*, *-jesci*, *-jectum*, *-ere*, то есть то, что «простирается перед нами»). Ясно также, что ключом рассказа, наррации, а значит, и сюжета, является некое изменение. Ведь если ничего не происходит или происходит нечто однообразное, то на этом нельзя построить сюжет в классическом смысле <...> изменение может зафиксировать полноценно только цепь высказываний, а не одно высказывание, хотя какой-то кульминационный момент изменения положения вещей может быть акцентирован и в одном высказывании» [11, с. 91].

Рассмотрение текстовой модальности вне категорий объективной и субъективной модальности позволяет говорить о ней как о модальной рамке повествования. Вновь сошлемся здесь на мнение В.П. Руднева, который правомерно выделяет в художественном тексте несколько категорий, входящих в модальную рамку: алетическую, аксиологическую, деонтическую, эпистемическую модальности, а также темпоральную и пространственную модальности [11, с. 92]. Поскольку текстовая модальность обнаруживает отношение автора к происходящему в вымышленном им же мире, а денотатом художественного текста выступает собственно эстетическое высказывание или совокупность таких высказываний, формирующее художественный мир, можно с уверенностью утверждать, что все категории модальной рамки не только субъективны, но и фикциональны. При этом особый категориальный статус имеет лишь одна из них – аксиологическая, т.к. в художественном мире именно ценностно-смысловое пространство оказывается в наибольшей степени продуктивным в плане влияния на рецептивно-интерпретативную деятельность читателя-адресата. И именно аксиологическая модальность насыщает все другие текстовые модальности ценностным содержанием.

Изучение художественного текста в функционально-семантическом аспекте способствует выявлению в нем релевантных характеристик, обеспечивающих восприятие читателем не только пространственно-временных координат вымышленного мира, но и соотнесение адресатом персонажной и событийной сфер с тем, что необходимо, возможно или невозможно (алетическая модальность), разрешено, запрещено или должно (деонтическая модальность), известно, неизвестно или полагаемо (эпистемическая модальность), сопряжено с позитивной или негативной коннотацией (аксиологическая модальность). Так, например, в романе Н. Геймана «Звездная пыль» [5] можно обнаружить репрезентанты всех выделенных видов текстовой модальности, при этом особый интерес представляют, конечно, алетическая, аксиологическая, деонтическая и эпистемическая модальности, хотя пространство и время художественного текста также всегда ценностно ввиду детерминации авторской оценочностью и художественным вымыслом. Например, в следующем контексте: «Именно с восточной стороны Застенья и стоит серая каменная стена, от которой пошло название деревни <...> В стене есть одно-единственное отверстие – проход метра полтора-два в ширину чуть к северу от деревни. Сквозь эту брешь можно разглядеть широкий зеленый луг, за лугом – ручей, а на дальнем берегу ручья – высокие деревья. Время от времени меж их стволами мелькают какие-то призрачные тени, неясные фигуры; то появляются большие, ни на что не похожие существа, то яркой вспышкой проносятся крохотные светящиеся создания и тут же исчезают» [5,

с. 10–11]. Авторская оценочность в приведенном макроконтексте репрезентирована весьма лаконично, однако и эти немногочисленные текстовые средства позволяют воспринимать повествование как некий рассказ очевидца, не вполне верящего в происходящее: таков союз *и* в предложении *с восточной стороны Застенья и стоит серая каменная стена*; лексемы и лексические сочетания *можно разглядеть*; *время от времени какие-то призрачные тени, неясные фигуры*; *существа*; *создания*. Алетическая модальность тесно взаимодействует здесь с эпистемической, позволяя читателю воспринимать описываемое одновременно как полагаемое, возможное и невозможное.

Авторское мировосприятие не может не быть оценочным, что закономерно: продуцент любого высказывания практически никогда не может скрыть собственное субъективное отношение к происходящему или повествуемому, а художественный текст даже при преднамеренном имплицировании оценок всегда так или иначе актуализирует их, например: «Хотя этот луг и выглядит просто великолепно, никто никогда не пасет на нем скот и не распахивает его под посевы. Напротив, вот уже не одну сотню, а может, и тысячу лет по краям прохода выставляют стражу и стараются даже не думать о землях за Стеной» [5, с. 11]. В приведенном макроконтексте авторская оценочность тесно взаимодействует с алетической и деонтической модальностями, т.к. в нем представлены категории возможного и невозможного, разрешенного и запрещенного (существующий в художественном мире луг как репрезентант «реальности» не воспринимается как его полноправный компонент: напротив, это место, принадлежащее волшебному миру, невозможному для большинства жителей Британии, а для деревни Застенья, запрещенное к проникновению пространство).

Реализация модальности художественного текста происходит с помощью грамматических средств – чаще это вводные и вставные конструкции: «Сестренка Луиза нередко подтрунивала над ним <...> по дороге в школу, она вообще часто его дразнила: например, за форму ушей (левое ухо у Тристана было обычное, а вот правое, слегка заостренное, плотно прилегало к голове)» [5, с. 43]. В приведенном примере вводное слово *например* позволяет ввести уточнение – вставную конструкцию *левое ухо у Тристана было обычное, а вот правое, слегка заостренное, плотно прилегало к голове*, которая не могла бы быть квалифицирована с позиций той или иной разновидности модальности, если бы не являлась следствием волшебного происхождения Тристана, отец которого – житель деревни Застенья, а мать – из Волшебного мира, находящегося за Стеной: «Она из тех, кто живет за Стеной», – сразу же понял Данстан, увидев ее глаза и уши, видневшиеся из-под густых вьющихся черных волос. Глаза у нее были цвета фиалок, а уши – как у кошечки, только чуть более скругленные и поросшие темной шелковистой шерсткой» [5, с. 26–27]. И, разумеется, алетическая модальность в обоих фрагментах оказывается ведущей в плане организации текстовой модальности.

Художественный текст, структурируемый автором на основании художественного вымысла, подразумевает семантические трансформации, которые, при функционировании в ценностно-смысловом пространстве такого текста, оказывают влияние не на совокупность значений лексем и лексических сочетаний, входящих в контекст, а на целостное восприятие смыслов текста, что позволяет говорить о так называемом «управляющем» смысле [8]. Так, например, в следующем контексте «Юноша замер в ожидании. Лохматый человечек протер над свечкой руку, и фитилек вдруг загорелся синеватым пламенем, желтым на конце. Налетел сильный порыв ветра, но язычок огня даже не поколебался» [5, с. 104]. Все слова, употребляемые автором для описания ситуации, являются общеупотребительными, входящими в тезаурус носителя языка, однако ситуативный контекст опирается в своем структурировании на оппозиции *возможное – невозможное* (алетическая модальность) и *неизвестное – полагаемое* (эпистемическая модальность). Иначе говоря, не значения, а смыслы подвергаются семантическим трансформациям в процессе функционирования художественного текста.

Мы вправе говорить о текстовой модальности вне применения понятия субъективной и объективной модальности не только потому, что в художественном тексте нет и не может быть онтологических оснований объективной модальности, ведь означивание происходит в

нем не по отношению к объективной действительности, в плане актуализации авторского замысла и художественного вымысла. Значит, в таком тексте может быть репрезентирована исключительно субъективная модальность. Однако именовать ее авторской субъективной модальностью было бы не вполне точно, т.к. в смыслообразовании художественного текста участвует и читатель, его рецептивно-интерпретативная деятельность направлена на декодирование смыслов и создание на их основании новых, не выходящих, однако, за рамки того, что вписано в модальную рамку и вариативно трактуется читателем как возможное – невозможное, разрешенное, запрещенное или должное, известное, неизвестное или полагаемое и всегда как позитивно или негативно коннотируемое. Очевидно, что при анализе ценностно-смыслового пространства художественного текста необходимо принимать во внимание некий инвариант авторских смыслов, а совокупность их вариантов, обусловленную разновидностями текстовой модальности.

Выводы

Адекватность декодирования смыслов художественного текста во многом зависит от текстовой модальности и выяснения ее оснований. Выделяемые в этой связи алетическая, аксиологическая, деонтическая, эпистемическая, темпоральная и пространственная модальности характеризуются не только субъективностью, но и фиксированностью, т.к. обнаруживают отношение автора к происходящему в вымышленному им же мире. Особый категориальный статус свойственен аксиологической модальности, благодаря которой структурируется ценностно-смысловое пространство художественного текста, а все разновидности модальности объективируют собственно смысл эстетического высказывания, являющегося денотатом художественного текста. Функционально-семантический подход в описании текстовой модальности художественного текста позволяет сделать вывод о важной роли читателя в декодировании смыслов, определяемых авторским замыслом, и в продуцировании новой семантики, которая может быть вариативно интерпретирована адресатом текста как одна из категорий, значимых для модальной рамки повествования, либо синтез таких категорий.

Список источников

1. *Богин Г.И.* Обретение способности понимать: введение в филологическую герменевтику. М.: Психология и Бизнес Онлайн, 2001. 516 с.
2. *Валгина Н.С.* Теория текста. М.: Логос, 2003. 173 с.
3. *Ваулина С.С.* Специфика функциональной соотнесенности категорий модальности и персональности в художественном тексте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2013. № 3 (19). С. 34–39.
4. *Ваулина С.С., Девина О.В.* Авторская модальность как текстообразующая категория (к постановке проблемы) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2010. № 8. С. 8–13.
5. *Гейман Н.* Звездная пыль / Пер. с англ. А. Дубинина, М. Мельниченко. М.: Изд-во АСТ, 2019. 256 с.
6. *Дресслер В.* Синтаксис текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Т.М. Николаевой. М.: Прогресс, 1978. С. 111–137.
7. *Дымарский М.Я.* Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.). 2-е изд., испр. и доп. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 328 с.
8. *Ильина Е.В.* Модальность как механизм консолидации смыслового стратума художественного текста // Дис. докт. филол. наук. Тверь, 2014. 363 с.
9. *Пфютце М.* Грамматика и лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Т.М. Николаевой. М.: Прогресс, 1978. С. 218–242.

10. *Романова Т.В.* Модальность. Оценка. Эмоциональность. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2008. 309 с.
11. *Руднев В.П.* Прочь от реальности: Исследования по философии текста. II. М.: Аграф, 2000. 432 с.
12. *Соловьева И.В.* Концептуальные основания герменевтики дискурса. Тверь: Тверской государственный университет, 2010. 160 с.
13. *Тарасов Е.Ф.* О формах существования сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность: Сборник научных трудов. М.: Институт языкознания РАН, 1993. С. 86–97.

References

1. *Bogin G.I.* Gaining the ability to understand: an introduction to philological hermeneutics. M: Psychology and Business Online, 2001. 516 p.
2. *Valgina N.S.* Text theory. M.: Logos, 2003. 173 p.
3. *Vaulina S.S.* The specificity of the functional correlation of the categories of modality and personality in a literary text // Bulletin of the Volgograd State University Ser. 2. Linguistics. 2013. No. 3 (19). pp. 34-39.
4. *Vaulina S.S., Devina O.V.* Author's modality as a text-forming category (to the formulation of the problem) // Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. 2010. No. 8. Kaliningrad. pp. 8-13.
5. *Geiman N.* Stardust / Transl. from English. A. Dubinina, M. Melnichenko. M.: Publishing house AST, 2019. 256 p.
6. *Dressler V.* Text syntax // New in foreign linguistics. Issue VIII. Linguistics of the text / Comp., ed. T.M. Nikolaeva. M.: Progress, 1978. P. 111-137.
7. *Dymarsky M.Ya.* Problems of text formation and literary text (based on Russian prose of the 19th-20th centuries). 2nd ed. M.: Editorial URSS, 2001. 328 p.
8. *Ilyina E.V.* Modality as a mechanism for consolidating the semantic stratum of a literary text: thesis. Tver, 2014. 363 p.
9. *Pfütze M.* Grammar and linguistics of the text // New in foreign linguistics. Issue VIII. Linguistics of the text / Comp., ed. T.M. Nikolaeva. M.: Progress, 1978. P. 218-242.
10. *Romanova T.V.* Modality. Evaluation. Emotionality: monograph. Nizhny Novgorod, 2008. 309 p.
11. *Rudnev V.P.* Away from reality: studies in the philosophy of the text. II. M.: Agraf, 2000. 432 p.
12. *Solovieva I.V.* Conceptual foundations of discourse hermeneutics: monograph. Tver, 2010. 160 p.
13. *Tarasov E.F.* On the forms of the existence of consciousness // Language and Consciousness: Paradoxical Rationality: Proceedings. M.: Institute of Linguistics RAS, 1993. P. 86-97.

Статья поступила в редакцию 24.06.2022; одобрена после рецензирования 05.08.2022; принята к публикации 15.08.2022.

The article was submitted 24.06.2022; approved after reviewing 05.08.2022; accepted for publication 15.08.2022.